

В западной части столицы, всего в одной улице от оживленной улицы Юнсин, стоял небольшой дом. Сразу после полуночи у дверей этого дома остановился паланкин. Мужчина, одетый как охранник, приподнял занавеску паланкина и помог человеку, сидящему внутри, выйти из него, обратившись к тому почтительно: «Ваше высочество».

Сяо Чэн кашлянув дважды, спросил тихо: «Вы тщательно провели расследование?»

«Да, ваше высочество. У Я, бывшая служанка из бюро Шаньи, живет здесь».

Сяо Чэн бросил взгляд на закрытую дверь, в глазах плескалась тьма, когда он отдал приказ: «Тогда зайдем внутрь».

Комендантский час давно миновал, и обычные люди уже мирно спали. Стояла безлунная ветреная ночь. Слабый свет мерцал в окне дома, на фоне которого дрожал слабый силуэт, давно поджидающий Сяо Чэна.

Голос разума подсказывал Сяо Чэну, что это, скорее всего, расставленная для него ловушка. Но прямо сейчас его вообще ничего не волновало. Даже если это была ловушка, ради получения ключа к местонахождению Шэнь Хуайши, он должен был прыгнуть в нее. Для полной уверенности над ситуацией, сюда сегодня вечером он привел с собой группу охранников. Если бы тот, кто находится в этом доме, захотел убить его, это стало бы для него задачей посложнее, чем восхождение на Небеса. Ему не стоит о чем-либо сильно беспокоиться.

Сяо Чэн жестом приказал двум охранникам открыть дверь. Каждый из них со своей стороны, взявшись за рукоять своего меча, толкнул дверь свободной рукой, распахивая ее настежь. В тишине скрип двери прозвучал особенно резко.

Пред ними предстал человек в белом, стоящий посреди комнаты. Освещенный позади себя лампой, красивой внешности, но с темпераментом, чистым, словно ледяной нефрит. Он вежливо поклонился, приветствуя Сяо Чэна: «Ваше высочество».

[Примечание: Ледяной нефрит часто используется как метафора благородного и целомудренного характера или других чистых вещей.]

Глаза Сяо Чэна расширились от удивления: «Кха-кха... – не в силах сдержать кашель, он с трудом проговорил. – Так это ты, Линь Цинъюй».

Линь Цинъюй слегка улыбнулся и насмешливо спросил: «Почему ваше высочество больше не называет меня „Малышом Цинъюй“?»

Сяо Чэн поднял руку, приказывая охранникам: «Все вы, вышли вон».

Охранники колебались, в их голосах слышалось сомнение: «Ваше высочество...»

Возможно, это было из-за увечий, оставленных мечом Шэнь Хуайши, или потому, что он расслышал ранее насмешку в голосе Линь Цинюя, несмотря ни на что, Сяо Чэн не забыл изобразить уверенную ухмылку на лице: «Он всего лишь лекарь, которому не хватает сил даже на то, чтобы связать курицу. Неужели вы думаете, что он может вонзить в нашу грудь еще один меч? Вы можете просто подождать снаружи».

После того как охранники удалились, в комнате остались только Линь Цинюй и Сяо Чэн. Принц устался прямо на Линь Цинюя. Ранее его соблазняли глаза этого юноши, так похожие на глаза прелестного Цзинчуня. Но теперь он понял, насколько смешон был ранее, обманываясь их схожестью.

Человек перед ним был коварным, зловещим и порочным. Единственное, что скрывалось под этим прекрасным лицом – это интриги и расчеты. Разве присутствие Линь Цинюя сейчас не означало, что он был движущей силой всех несчастий, случившихся с ним?

Как такой человек мог быть похож на милого Цзинчуня?

Линь Цинюй заговорил первым: «Ваше высочество, кажется, хочет меня о чем-то спросить».

Выдавливая каждое слово, Сяо Чэн высказал то, о чем думал уже не один день: «Дворцовый пояс, который достала У Я, не принадлежит Цзинчуню».

Всего таких дворцовых поясов было три. Один он оставил себе, а два других подарил Шэнь Хуайши и Цзинчуню в доказательство их детской дружбы.

Они повстречались в храме Чаншэн – благородный принц, телохранитель из организации теневой стражи и маленький монах, оставшийся без матери и отца. У этих троих были очень разные характеры – принц был тщеславным и надменным юным наследником, страж был верным и честным другом, а маленький монах был бесхитростным и невинным ребенком. Их личности сильно разнились, они никогда не должны были пересечься, не говоря уже о том, чтобы так сблизиться. Его мать-наложница даже учила его в те времена, сказав, что когда-нибудь он станет наследным принцем, а потом императором, а императору не нужны друзья подле него. Но в то время он был слишком молод. Каким бы опытным и умным не по годам не считали его другие, в конце концов, тогда он был не более чем ребенком.

Время, проведенное ребенком в храме Чаншэн, где он восстанавливал силы после болезни, было самым спокойным и счастливым в его жизни. Ему не нужно было сражаться и строить козни против своих сводных братьев; ему не нужно было оставаться серьезным и сдержанным перед своей императорской матерью; ему не нужно было ломать голову, придумывая способы завоевать расположение своего отца. Он был всего лишь ребенком из обычной семьи с двумя хорошими друзьями, с которыми он отлично ладил.

Как только его здоровье более не вызывало опасений, он и Шэнь Хуайши попрощались с Цзинчунем и вернулись во дворец. Как принц, он не мог покинуть дворец, но Шэнь Хуайши мог. Каждый раз, когда он выходил из дворца, он отправлялся в храм Чаншэн, чтобы навестить Цзинчуня, и иногда он приносил письма, которые маленький монах писал ему. Пока однажды Шэнь Хуайши не смог найти их друга в храме Чаншэн. После расспросов он узнал, что Цзинчуня нашли его родители и забрали домой.

Море людей безбрежно. Двум детям было нелегко найти Цзинчуня. Ни он, ни Шэнь Хуайши не ожидали, что в следующий раз они увидят Цзинчуня уже во дворце.

Группа молодых, недавно отобранных дворцовых евнухов выстроилась перед Си Лицзянем, ожидая, пока старый евнух очистит их тела. Когда Шэнь Хуайши проходил мимо, то услышал знакомый всхлип и остановился, чтобы проверить, а не послышалось ли ему. Он увидел их с его высочеством хорошего друга, одетого в рваную одежду, стоящего перед евнухом. По лицу бывшего маленького монаха текли слезы, а нос покраснел от плача.

Шэнь Хуайши тогда спас Цзинчуня и отвел его к Сяо Чэну. Правила во дворце были строгими, в нем не было места людям сомнительного происхождения. Сяо Чэн хотел выгнать Цзинчуня из дворца, но их маленький друг уткнулся в объятия Шэнь Хуайши и плакал до тех пор, пока не начал задыхаться от рыданий. Он сказал, что не хочет покидать дворец, не говоря уже о возвращении домой, чтобы быть снова избитым своим отцом. Он хотел остаться во дворце с двумя своими друзьями.

Тела евнухов периодически проверялись лекарем. Цзинчунь мог сбежать в этот раз, но не мог скрываться всю жизнь. Эти двое не могли позволить кастрировать Цзинчуня, поэтому Сяо Чэн использовал некоторые средства, чтобы Цзинчунь занял место маленькой дворцовой служанки, которая внезапно умерла от болезни. Молодой Сяо Чэн не знал, сколько бед его действия предвещали ему в будущем. В тот момент он даже гордился тем, как изящно организовал это непростое дело.

С тех пор дружба троицы продолжилась уже во дворце. Год за годом, тихо, незаметно, она вырождалась.

По мере того как Сяо Чэн рос, он делал все, чтобы закрепить за собой положение наследного принца. Секта Небесной Тюрьмы была верна и предана ему, но он был готов отказаться от них, когда ему сказали это сделать. Однако единственное, что он не смог отпустить, это их детскую дружбу.

Из-за этой преданности отец-император, желал уничтожить всю секту Небесной Тюрьмы. Он все спланировал, и, хотя из-за Шэнь Хуайши его сердце смягчилось, и он колебался, но так и не остановил расправу. К счастью, ему удалось спасти Шэнь Хуайши. Но именно из-за его мягкости и нерешительности отец-император был им очень недоволен. Так что, когда правитель севера попросил о браке с Цзинчунем, он уже ничего не мог поделать.

Он размышлял бесчисленное количество раз, что было, если бы он не спас жизнь Шэнь

Хуайши? Смог бы он тогда удержать Цзинчуня рядом с собой?

Как ни странно, сколько бы он не размышлял, он ни разу не пожалел о принятом решении.

Накануне свадьбы Цзинчуня они встретились тайно втроем. Со слезами на глазах Цзинчунь обнял его и Шэнь Хуайши. Он крепко держал дворцовый пояс, символ их детской дружбы, и сказал, что покончит с собой прежде, чем правитель севера узнает, что он мужчина, а после своей смерти он даже не оставит тела на севере. Таким образом, они не будут замешаны, и Даюй и северная граница не будут воевать из-за него.

В день свадьбы Цзинчуня он своими глазами видел этот дворцовый пояс на друге, когда тот покидал столицу, уезжая далеко на север в качестве невесты правителя севера. Позже он узнал от людей из отряда Тяньцзи, что у Цзинчуня все хорошо, и король севера обожает и безмерно балует его. Однако он не знал, раскрыл ли уже Цзинчунь свою личность перед супругом или нет. И этот вопрос стал тяжелым камнем, который мог сокрушить его в любое время. Только как можно скорее взойдя на трон, он мог защитить себя и Шэнь Хуайши, в случае если эта истина все-таки будет раскрыта.

Дворцовый пояс, который достала У Я, не мог принадлежать ни ему, ни Цзинчуню. Так что это мог быть только пояс Шэнь Хуайши. После ухода Цзинчуня Шэнь Хуайши замкнулся в себе, отдавшись полностью работе на него*. Единственным человеком, с которым Шэнь Хуайши имел какие-либо отношения помимо принца, был Линь Цинюй.

[Примечание: 办事 / bànshì. 1) делать дело, вести дела; заниматься, работать (о работниках умственного труда); 2) заниматься сексом. Тут специально использовано слово с двумя такими значениями?]

Линь Цинюй... знал о местонахождении Шэнь Хуайши.

С горящим взглядом Сяо Чэн смотрел на человека, стоящего сейчас перед ним, будто видя его насквозь, не выдержав долгого молчания, он спросил: «Где он сейчас?»

Линь Цинюй покачал головой в ответ: «Я не знаю».

«Прекрати нести эту чушь! – дыхание Сяо Чэна участилось. – Если ты его не видел, откуда у тебя этот дворцовый пояс?»

«О чем говорит ваше высочество? Дворцовый пояс был найден У Я в комнате после того, как принцесса Цзинчунь вышла замуж».

На лице Сяо Чэна расцвела мрачная улыбка: «Ты можешь обманывать других, но ты не можешь обмануть нас. Свой дворцовый пояс Цзинчунь забрал с собой на север. Даже если бы у тебя были связи на самых верхах, ты не смог бы наложить на него свои руки. То, что ты дал У Я,

принадлежит Шэнь Хуайши».

Линь Цинюй тоже вежливо улыбнулся в ответ: «Ваше высочество говорит это с такой уверенностью. Тогда почему бы не рассказать об этом императору, чтобы он наказал меня за мое преступление – обман императора?»

Сяо Чэн стиснул зубы от злости, процедив: «Линь Цинюй!..»

Внешность Линь Цинюя была поистине ослепительна, но в его улыбке сквозило неопишное коварство: «Ах да, наложница Чэнь... Нет, теперь я должен называть ее Чэнь Ши. Чэнь Ши признала себя виновной, неоднократно заявляя, что это дело ее рук и что его высочество не знал о том, что она натворила. Если вы пойдете к его величеству, чтобы разоблачить меня, вы также покажете свое знание в этом вопросе. Тогда разве не напрасно тяжело трудилась Чэнь Ши, выгораживая наследного принца?»

Сяо Чэн ощутил во рту вкус крови. Он никогда ничего не хотел так сильно, как разрубить на куски эту ядовитую красоту, переломать ему кости и развеять прах по ветру. Его бледные губы окрасились в алый цвет, он холодно произнес медленно, делая акцент на каждом слове: «Я спрошу тебя еще раз... Где Шэнь Хуайши?»

«И я снова отвечу вашему высочеству. Вашему высочеству следует внимательно слушать, – заметил спокойно Линь Цинюй. – Я не знаю, где он. Он поручил кому-то другому принести мне этот дворцовый пояс».

Грудь Сяо Чэна яростно вздымалась: «Это невозможно!»

«Почему же это невозможно? – Линь Цинюй шагнул вперед навстречу. Прищелкнув языком, он принялся рассуждать вслух. – Как, по мнению вашего высочества, я узнал правду? Его меч не смог лишить вас жизни. Он также не сможет лишить вас положения наследного принца. Тогда ему остается только придумать какой-нибудь другой способ, верно?»

«Заткнись! – Сяо Чэн яростно закашлялся, его глаза налились кровью. – Неважно, как сильно Шэнь Хуайши ненавидит меня, он никогда бы искренне не захотел лишить меня жизни!»

Дойдя до этого момента, Сяо Чэн даже забыл, что не обращается к себе с положенным его статусу почетным именованим. Кажется, он был недалек от полной потери контроля над собой.

[Примечание: Когда он называет себя «Гу».]

Линь Цинюй холодно усмехнулся. Теперь у него был ответ на вопрос. Из-за чего в тот день Шэнь Хуайши не сумел убить Сяо Чэна: из-за оплошности или из-за того, что проявил мягкосердечие, по крайней мере для принца.

«Этот дворцовый пояс действительно был добровольно передан мне императорским телохранителем Шэнь. Императорский телохранитель Шэнь чрезвычайно искусен и мастерски умеет прятаться. Даже отряд Тяньцзи не может найти его местонахождение. Простой лекарь, у которого нет сил даже для того, чтобы связать курицу, вряд ли смог бы принудить его, – глазами, так похожими на глаза Цзинчуна, Линь Цинюй холодно уставился на этого человека, окутанного ореолом „главного героя“. – Ты сказал, что он никогда бы искренне не захотел лишиться тебя жизни, но именно из-за его меча ты стал таким слабым. Тебе еще хуже, чем покойному молодому мастеру Хоу. Итак, в конце концов, был ли он мягкосердечным или жестоким с тобой?»

Испытав сильнейшее потрясение на открывшуюся ему истину, глаза Сяо Чэна широко раскрылись. Его некогда очаровательное и красивое лицо сейчас выражало ни с чем несравнимую злобу. В его глазах, излучающих прежде легкомыслие и непостоянство, теперь читались сильная любовь и ненависть одновременно.

Линь Цинюй снова спокойно улыбнулся: «Возможно, он действительно не хочет тебя убивать. Ты все-таки спас его. Но вся секта Небесной Тюрьмы погибла именно из-за тебя. Но хорошо ли ты обращался с ним после спасения? Ты обращался с ним как исключительно со своей собственностью, без стеснения унижая его в постели. И даже встав с постели, он шел и рисковал своей жизнью, исполняя твои приказы. Он получал бесчисленные раны, серьезные и незначительные, и все из-за тебя. Несколько раз он был даже близок к смерти. Даровать тебе смерть одним ударом меча – что в этом было бы забавного? Не лучше ли смотреть, как ты страдаешь от всевозможных мучений, как против тебя выступают все вокруг, как от тебя отворачиваются твои друзья, как бросает тебя император, как бросает тебя Даюй, как превращают тебя в простой мусор. Разве это не будет более приятным и веселым развлечением?!»

Ноги Сяо Чэна вдруг сделались слабыми, отступив назад, он прислонился к колонне в комнате. Пораженный ужасом дрожащими губами он прошептал: «Нет... он... он не мог...»

«Я уже сказал вашему высочеству, что есть правда, – спокойно ответил Линь Цинюй. – Это выбор вашего высочества, верить этому или нет».

Лицо Сяо Чэна посинело. Он поднял глаза, глядя на каплевидную родинку в уголке глаза Линь Цинюя. Со вздохом из уголка рта принца медленно потекла струйка крови.

«С-стража... – кровь продолжала вытекать изо рта принца, пропитывая вышитого на одежде дракона с четырьмя когтями на его груди. – Стража!»

Охранники, все это время ожидавшие за дверью, прислушиваясь к каждому шороху, услышав оклик, немедленно бросились внутрь: «Ваше высочество!»

Двое охранников подхватили Сяо Чэна за руки, а третий человек обнажил свой меч, положив его на плечо Линь Цинюя, свирепо воскликнув: «Ты смелый убийца! Что ты сделал с его высочеством?!»

Линь Цинюй смотрел сверху вниз на осевшего Сяо Чэна, предупредив: «Если ты причинишь мне хоть малейшую боль, в этой жизни ты никогда больше не увидишь его».

Сяо Чэн медленно прикрыл глаза, отдавая приказ: «...Возвращаемся во дворец».

Линь Цинюй изобразил сухую улыбку, напутствуя на прощание: «Берегите себя, ваше высочество. Простите меня за то, что я не провожаю вас».

Уже миновала третья стража*. Гу Фучжоу тихо ждал в боковой комнате, слушая всю эту драматическую постановку до самого конца. Он знал, что сегодня вечером будет только словесная битва, никакого насилия не ожидалось. Однако, на всякий случай, он окружил резиденцию своими доверенными охранниками.

[Примечание: 三鼓 / sāngǔ. Третья ночная стража - время с 11 часов до 1 часа ночи.]

Ему было немного не по себе, когда в комнату ворвались охранники принца. Но Линь Цинюй действительно был достоин звания его супруга. Всего несколькими словами ему удалось выйти невредимым из серьезного конфликта.

Линь Цинюй толкнул дверь в боковую комнату, и Гу Фучжоу поприветствовал его широким зевком: «Все завершилось?»

Линь Цинюй кивнул, спокойно заметив: «Сяо Чэна вырвало кровью».

Кровохарканье было серьезным делом. После того как его, тогда еще в теле Лу Ваньчэня, начало рвать кровью, его состояние быстро ухудшилось, и в течение нескольких месяцев он умер прямо на глазах Линь Цинюя.

Гу Фучжоу снял свой плащ и накинул его на плечи супруга, нежно положив руку на волосы супруга, он мягко предложил: «Тогда давай отправимся домой».

После того как Сяо Чэн вернулся в Восточный дворец, он тяжело заболел. Все вокруг предполагали, что, должно быть, принц получил огромный психологический удар из-за изгнания Чэнь Ши в холодный дворец. Хотя после своей «внезапной болезни» в прошлом году наследный принц превратился в сосуд для лекарств, императорские лекари давали благоприятные прогнозы, неоднократно предупреждая, что пока он пребывает в добром духе, его здоровье будет укрепляться и, хоть и медленно, но принц пойдет на поправку и сможет прожить еще несколько десятилетий. Но на этот раз принц настолько был далек от душевного равновесия, разбередив душевную рану, что впал в кому. Лекари серьезно опасались, что все в его состоянии указывает на приближающуюся катастрофу и печальный исход.

Сяо Чэн был настолько болен, что больше не мог управлять делами государства. Император отдал приказ отобрать у него власть над отрядом Тяньцзи. До этого королю Нин Сяо Цзе было

поручено отыскать и обратить пристальное внимание на шпионов Западного Ся, но ему не хватало людей, чтобы сделать это должным образом. Теперь же организация теневой стражи, посвятившая свою жизнь служению императорской семье, перешла в распоряжение Сяо Цзе.

Но беда не приходит одна. В то время как темные и мрачные тучи нависли над Восточным дворцом, во дворце Циньчжэн уже много дней не видели Сына Неба. С началом лета погода постепенно становилось теплее. Но самочувствие императора не только не улучшалось, а становилось все хуже и хуже. Вся Императорская лечебница, и Линь Циньюй без официального титула, в том числе, была вынуждена работать круглосуточно из-за состояния этих двух важных для государства человек. Но все они были бессильны.

Император был замучен до смерти непрерывными головными болями. Он чувствовал себя так, словно в его голову поместили лопату, которая наносила удар за ударом по его мозгу. Стоны императора эхом отдавались в его дворце днем и ночью. В какой-то момент у него не осталось сил, чтобы даже стонать.

Императорские лекари были беспомощны. Император возлагал все свои надежды лишь на Линь Цинюя. Он надеялся, что Линь Цинюй сможет спасти его во второй раз и даже предоставил ему должность заместителя Юань Паня в Императорской лечебнице. Линь Цинюй оправдал его ожидания, прописав ему новое лекарство. Конечно же, уже после первого приема, головные боли императора утихли. Однако прием этого снадобья сопровождался длительными периодами сонливости. Весь день он находился словно в тумане, и каждый раз, когда все же приходил в себя, был настолько сбит с толку, что даже не мог отличить день от ночи. Казалось, теперь он не испытывал вообще никакой боли.

Линь Жушань, как Юань Пань из Императорской лечебницы, мог с легкостью назвать то лекарство, что принимал сейчас император. Он отыскал Линь Цинюя, нерешительно начав неприятный разговор: «Цинюй, лекарство, которое ты даешь его величеству...»

Линь Цинюй спокойно парировал: «Его величество попросил меня избавить его от боли, сказав, что больше не хочет испытывать ее. И я сделал так, что ему теперь не больно. Я четко следую императорскому указу. Отцу не нужно беспокоиться».

Тем не менее Линь Жушань все еще беспокоился, он решил еще раз переспросить: «Ты действительно знаешь, что делаешь? Наследный принц и Чэнь Ши ничего не скажут об этом. Но если императрица и король Нин узнают, позволят ли они тебе совершить подобное?»

Линь Цинюй ободряюще улыбнулся: «Отец, не волнуйтесь. Я все продумал. Вы можете оставить это дело в покое».

Линь Жушань бессильно вздохнул, не забыв предупредить: «Хорошо. Я никогда не мог контролировать тебя. Но ты должен быть осторожен».

Император и наследный принц заболели один за другим. Тяжелая ответственность за руководство страной, естественно, легла на плечи короля Нин. В прошлом Сяо Цзе был всего

лишь красивой, но бесполезной вышитой подушкой*. Его родная мать была скромной женщиной низкого происхождения. Сам он не блистал талантами и не отличался какими-либо добродетелями. Никто и представить себе не мог, что однажды Даюй окажется под его контролем. Министры близкие к Сяо Чэну поначалу вели себя вызывающе, не принимая его всерьез. Но он проявлял себя все более способным с каждой задачей, которую поручал ему император. И у них не оставалось выбора, кроме как принять его.

[Примечание: 绣花 / xiùhuā zhěntou. 1) вышитая подушка; 2) внешне красивый, а на деле никчемный; одна видимость, пустышка. Это метафора человека, у которого красивая внешность, но нет знаний и таланта. «Кто осмелится сказать, что он – вышитая подушка, расшитая яркими цветами снаружи, но внутри него солома?»]

Занятый государственными делами, Сяо Цзе уже много дней не возвращался в резиденцию короля Нин. Он взял с собой Си Жуна, остановившись с ним в боковом зале дворца Циньчжэн. Управляя страной, он не забывал служить своему отцу-императору во время его болезни и отдавать дань уважения матери-императрице. Через несколько месяцев Сяо Цзе приобрел репутацию не только преданного стране человека, но и почтительного сына.

Как-то раз король Нин пригласил Линь Цинюя во дворец Циньчжэн. Посланник сказал, что король Нин внезапно почувствовал недомогание и попросил его проверить свой пульс. Когда лекарь прибыл в боковой зал дворца Циньчжэн, то увидел Сяо Цзе, лежащего на столе, крепко спящего с кистью в руке. Даже его нос был испачкан чернилами.

«Ваше высочество?» – тихо позвал его Линь Цинюй.

За спиной раздался голос Си Жуна: «Лекарь Линь, вы пришли».

Линь Цинюй обернулся на голос, взглянув на управляющего Си. В этот период он и Си Жун часто встречались во дворце. Си Жун теперь был в несколько раз более занят по сравнению с тем временем, когда они жили в резиденции короля Нин. Однако на его лице совсем не читалось следов усталости, наоборот, он был в хорошем настроении, практически сияя. Кажется, управляющий Си наслаждался каждым днем, проведенном здесь во дворце.

Линь Цинюй многозначительно улыбнулся. Си Жун лично налил ему чашку чая и вежливо поинтересовался: «Над чем смеется сейчас императорский лекарь Линь?»

«Забавно, управляющий Си и генерал – это две крайности, – ответил Линь Цинюй, взяв чай, протянутый ему Си Жуном. – Чем больше занят управляющий Си, тем энергичнее он становится. Если бы это был кое-кто из моей семьи, боюсь, что не прошло бы и двух дней, как этот человек уже громко жаловался бы на невзгоды и просто бросил всю эту взваленную на него работу».

Что-то странное быстро промелькнуло в глазах Си Жуна. Интересно. Когда Линь Цинюй упоминал «кое-кого из своей семьи», он сказал это так небрежно без какого-либо подтекста или имел в виду нечто большее?

«Генерал Гу долгое время работал на благо страны и мира на северо-западе. Чтобы главнокомандующий мог в спокойствии восстанавливать силы, принц уже освободил его от ежедневного посещения утреннего суда, – ответил Си Жун с улыбкой, тут же спросив. – «Или у императорского лекаря Линь есть какие-либо другие просьбы?»»

«Нет, все в порядке, – ответил в свою очередь Линь Цинъюй, рассматривая спящего на столе Сяо Цзе. – Управляющий Си, это нормально, что его высочество так спит? Хотя уже наступило лето, по утрам и вечерам все еще прохладно. Его высочество вряд ли может позволить себе заболеть в такое время».

«Императорский лекарь Линь, пожалуйста, подождите минутку», – попросил управляющий Си.

Си Жун подошел к Сяо Цзе, наклонился и взял того на руки. От этих ласковых прикосновений Сяо Цзе проснулся, а увидев перед собой лицо Си Жуна, он сонно окликнул его: «А-Жун».

Си Жун тепло отозвался: «Я отнесу тебя в спальню, чтобы ты хорошо поспал».

Сяо Цзе согласно кивнул и обнял Си Жуна за шею, снова беззаботно закрыв глаза.

Си Жун позаботился о Сяо Цзе и вернулся в боковой зал, тут же извинившись перед Линь Цинъюем: «Императорский лекарь Линь, мне жаль, что я заставил вас ждать».

Линь Цинъюй, выпивший уже половину чашки чая, решил узнать, зачем все же его позвали, предложив в ответ: «Если управляющему Си нужно что-то сказать, пожалуйста, скажите мне».

Заклучив какое-то время назад союз, каждый из них получил то, что ему было нужно. Им больше не нужно было ходить, как раньше, вокруг да около, когда они желали о чем-то поговорить. Поэтому Си Жун приступил: «Его высочество уже некоторое время руководит страной. Интересно, считает ли императорский лекарь Линь ситуацию удовлетворительной?»

«Слова управляющего Си интересны, – заметил Линь Цинъюй. – Удовлетворительно это или нет, разве вы не должны спросить об этом его величество? О чем вы сейчас спрашиваете меня?»

Си Жун понимающе улыбнулся, сказав по-другому: «Тогда кого императорский лекарь Линь считает подходящим для выражения этих слов?»

Линь Цинъюй поднял на него глаза, прося уточнений: «Что вы имеете в виду сейчас?»

«Нам нужно, чтобы кто-то вышел перед императором. Лучше всего, если это будет гражданский министр, которому доверяет его величество, посредник, который не слишком близок ни к наследному принцу, ни к королю Нин. Состояние его величества ухудшается с каждым днем. Время бодрствования его величества, становится все меньше и меньше. Я надеюсь, что, пока его величество в здравом уме, он сможет дать его высочеству надлежащий

титул. Императорский лекарь Линь обладает исключительным интеллектом, вы должны понять, что я имею в виду».

[Примечание: Т.е. назовет Сяо Цзе наследным принцем.]

Линь Цинюй поинтересовался, медленно спросив: «Управляющий Си много лет бездействовал, почему же сейчас он стал так нетерпелив?»

Си Жун был одет в хуафу. Было очевидно, что он является евнухом, и все же казалось, что он родился на голову выше остальных, он был больше похож на принца, чем Сяо Цзе: «Именно потому, что я много лет бездействовал и слишком долго ждал, я больше не хочу тратить время впустую».

Линь Цинюй скромно заметил: «Коротких путей к силе быть не может. Управляющий Си, наберитесь терпения».

Си Жун поклонился и отдал честь со скромностью и уважением: «В этом случае я хотел бы поблагодарить лекаря Линь».

Линь Цинюй и Гу Фучжоу долго разрабатывали свои планы, каждый шаг был связан с последующим. Теперь они были уже в одном шаге от достижения поставленной цели. Правильный титул, которого хотел Си Жун, был ничем иным, как императорским указом о надлежащем наследнике.

Это было нетрудно сделать. Любой, у кого есть проницательный взгляд, мог видеть, что группа наследного принца больше не могла нарушить мир и покой при дворе. Даже если император проявит уважение к их связи как отца и сына, оставив его наследным принцем, как долго тот сможет оставаться на троне, учитывая состояние своего тела? Даже если император уйдет первым, а наследный принц сможет взойти на трон, как новый император с короткой жизнью сможет удержать эту огромную нацию? Теперь, это был просто вопрос о том, чтобы кто-то отправил прошение императору, призывая того к смене наследника.

В войсках каждый солдат откликнулся бы на зов Гу Фучжоу, и для него было нормально заговорить о смене наследника. Но малейшая неосторожность и его могли бы обвинить в мятеже и принуждении императора отречься от престола. Сплетни – страшная вещь, они могут легко уничтожить даже сильного. Линь Цинюй не считался с мыслями посторонних, но он не мог выносить критики в адрес своего мужа. Лучшим кандидатом для прошения был тот, кто ранее настаивал на назначении Сяо Цзе королем, Наньань Хоу. Си Жун намекал ему сейчас, чтобы тот отправился в резиденцию Наньань Хоу и убедил того написать прошение об изменении наследника.

Нетерпение Си Жуна свидетельствовало о его большом честолюбии. Но Линь Цинюй никуда не спешил. За Линь Цинюем стояли Гу Фучжоу и императрица, в его руках был тяжело больной император, а Сяо Цзе отвечал теперь за страну. Две стороны были равны по силе, поэтому у Си Жуна и хватило сейчас смелости проинструктировать его, что Линь Цинюй следует делать.

Когда Сяо Цзе станет наследным принцем, со временем у управляющего Си вырастут крылья. Когда-нибудь то, что было всего лишь мечтой, воплотится в реальность. Если Линь Цинью захочет быть с ними на равных.

Он и Гу Фучжоу пошли на все это не ради этой пары сводных братьев, а чтобы затащить императора и его сына в воду.

Линь Цинью поставил чашку с чаем на стол, поправив Си Жуна: «Я еще не закончил говорить. За что управляющий Си благодарит меня сейчас?»

Си Жун приподнял брови, удивленно спросив: «Тогда императорский лекарь Линь имеет в виду?..»

«Я могу дать его высочеству этот надлежащий титул, но у меня есть взамен три условия».

«Императорский лекарь Линь, пожалуйста, говорите».

«Во-первых, я хочу власти над отрядом Тяньцзи».

Выражение лица Си Жуна слегка переменилось, выдавив притворную улыбку, он спросил: «Что еще?»

«Во-вторых, в дополнение к лагерю императорской тяжелой кавалерии, императорская охрана во дворце также должна находиться под командованием генерала Гу. В-третьих, если в будущем принцу удастся взойти на трон, нынешняя императрица, будущая вдовствующая императрица, будет управлять из-за занавеса*».

[Примечание: 垂簾听政 / chuíliántīngzhèng. Буквально. управлять из-за занавеса; управлять из-за кулис, править де факто. Править вместо императора, обычно о императрице или матери императора. Править царством вдовствующей императрицы.]

Улыбка исчезла с лица Си Жуна, и он медленно проговорил, спрашивая собеседника: «Если императорский лекарь Линь такой амбициозный, почему бы ему самому не стать императором?»

На что Линь Цинью спокойно заметил: «Вы сами называете меня „императорский лекарь Линь“. Как может простой императорский лекарь претендовать на трон?»

«Боюсь, императорский лекарь Линь сейчас лукавит», - с легкой усмешкой беспечно заметил Си Жун.

«Я ясно изложил свои слова. У управляющего Си и его высочества еще есть время сначала

обдумать это, прежде чем сообщить мне о вашем решении, – спокойно ответил Линь Цинюй. – Но лучше не заставляйте меня и генерала ждать слишком долго. Долгая ночь полна снов*. Возможно, настанет день, когда его величество неожиданно очнется».

[Примечание: 夜長夢多 / yècháng mèngduō. Ночь длинна, снов много обр. в знач.: 1) положение может измениться к худшему; 2) упустить время, упущенное не наверстаешь.]

Си Жун с интересом наблюдал, как Линь Цинюй направляется к двери, и вдруг вновь заговорил: «Императорский лекарь Линь, пожалуйста, подождите. У меня есть еще одна вещь, относительно которой я хотел бы спросить императорского лекаря и генерала об их планах».

«Что это?»

«На севере было раскрыто дело принцессы Цзинчунь. Должен ли суд нанести превентивный удар? Как единственный король Даюй из другого рода, король севера всегда был скрытой угрозой».

«Нет, нынешнему двору не хватает войск и провизии. Этого достаточно только для того, чтобы справиться с войной на северо-западе. Пока Цзинчунь находится на стороне короля севера, северная граница не будет вторгаться в императорский двор».

Си Жун поинтересовался: «Откуда императорский лекарь Линь знает это?»

Линь Цинюй оставил этот вопрос без ответа. Когда он спросил Гу Фучжоу о том же, тот ответил ему: «Если история Сяо Чэна и Шэнь Хуайши – это ведро садомазохистской любви, собирания осколков разбитого зеркала и начала всего заново, одним словом тошнотворные помои, которые нас заставляют насильно пить, то история правителя севера и принцессы Цзинчунь – это сладкая история любви от начала и до конца. Для них самое важное – только их любовь».

Автору есть что сказать:

Эрчжуан*, держись! Постарайся продержаться до одиннадцати!!!**

Эрчжуан: Подождите, пока я сначала назову его деткой, прежде чем отправлять меня в офлайн.

[Примечание: *Имеется в виду ГФЧ. Это Чжуан из ДаЧжуан, где Эр означает 2 или 2-й.

**Почему-то мне кажется, что это мем, но я ничего не нашла. 十一 / shíyī. Это одиннадцать, одиннадцатый лунный месяц; ноябрь; Первое октября – День образования КНР. Автор говорит,

что убьет его в ноябре? Сейчас вроде весна.]

<http://bllate.org/book/15122/1336701>